

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сосватанные дети

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему:

– А мне бог радость дал – жена сына родила!

– А у меня дочь родилась! – отвечает московский купец.

– Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня – сын, у тебя – дочь, чего лучше – жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся.

– Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, ещё твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залогу!

– А если твоя дочь да помрёт?

– Ну, тогда и деньги назад.

Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене:

– Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!

Купчиха изумилась:

– Что ты! Али с ума сошёл? Она ещё в люльке лежит!

– Ну что ж что в люльке? Я всё-таки её просватал: вот двадцать тысяч залогу взял.

□Вот хорошо. Живут купцы всякий в своём городе, а друг друга не навещают – далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорош, а дочь ещё лучше. Прошло осмнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знаконца нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему:

– Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил плёнку^[1]; если в эту плёнку попалась утка – то утку вези, а ежели нет утки – то плёнку назад.

Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

□Тюю же самую дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидал он купеческого сына и спрашивает:

– Ты куда едешь?

– В Москву.

– Зачем?

– Там есть озеро, в том озере – лет осмнадцать прошло, как

поставил мой отец плёнку, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в плёнку утка – то утку возьми, а если утки нет – то плёнку назад!

– Вот задача! – думает полковник. – Разве может простоять плёнка осьмнадцать лет? Ну, пожалуй, плёнка ещё простоит; а как же утка-то проживёт столько времени?

Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал.

– Как же, – говорит, – нам через реку переехать?

– Я поеду задом наперёд! – сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперёд перемещивать; намости́л и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал. Вот приехали они в город.

– Ты где остановишься? – спрашивает купеческого сына полковник.

– А в том доме, где весна с зимой на воротах.

Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

□Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнал к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает:

– Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере – лет осьмнадцать прошло, как мой отец плёнку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в плёнку утка – то утку возьми, а ежели утки нет – то плёнку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперёд переехал и меня перевёз.

– Где же он на квартире стал? – спрашивает невеста.

– А в том доме, где весна с зимой на воротах.

□ Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает:

– Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звёзды в небе или скатились?

Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает:

– Что море – в своих ли берегах или упало?

– Упало.

– Что месяц – полон или в ущербе?

– В ущербе.

– Что звёзды – все ли на небе?

– Нет, одна скатилась.

Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери.

– Ну, батюшка, – говорит отцу купеческая дочь, – ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний – с его отцом по рукам ударено, договором скреплено.

Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мёд-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

---

[1] – Плетёная из конского волоса сеть (Ред.).

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

✖ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Царевич- найдёныш

Жил царь с царицею; у них родился сын. Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла – царевич пропал! Искали-искали царевича – как в воду канул, ни слуху, ни духу об нём! Долго плакали царь с царицею. Прошло целые пятнадцать лет, и донеслись до царя вести, что в одной деревне такой-то мужик нашёл ребёнка – всем на диво: и красотой и умом взял! Царь приказал доставить наскоро к себе мужика. Привезли его, начали расспрашивать, где и когда нашёл мальчика? Мужик объявил, что нашёл его пятнадцать лет тому назад в овине, что на нём одежда была такая-то, богатая. По всем приметам, кажись, и царский сын!

□Говорит царь мужику:

– Скажи твоему найдёнышу, чтоб он ко мне побывал ни наг, ни

одет, ни пешком, ни на лошади, ни днём, ни ночью, ни на дворе, ни на улице.

Мужик приехал домой, плачет и рассказывает мальчику: как теперь быть? Мальчик говорит:

– Не больно хитро! Эту загадку разгадать можно.

Взял разделся с ног до головы да накинул на себя сетку, сел верхом на козла, приехал к царю в сумерки и въехал на козле в ворота: передние ноги на дворе, а задние на улице. Царь увидал и говорит:

– Вот мой сын!

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Попов работник

В некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя^[1] ему:

– На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела.

□Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить[2]: животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тётка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа! Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш всё повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чём не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его:

– Что, мол, батрак, сыт?

Он кажа:

– Сыт.

Поп опять спрашивает:

– А сучонка сыта?

Батрак кажа:

– Сыта.

Поп опять гуторя:

– А коврига цела?

Батрак кажа:

– Цела! На вот, батюшка, целёхонька.

Во как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя:

– Хитрец ты окаянный! Как на тя^[3] погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен.

И оставил его у себя, прибавил ещё сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житьё, что твоя маслена, и умирать не надо.

---

[1] – Говорит.

[2] – Заморить червяка – утолить голод.

[3] – Тебя.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Мудрая дева

Помер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти. Ни много, ни мало прошло

времени, призывает дядя племянника, хочет попытаться у него ума-разума и говорит ему:

– Вот тебе сотня баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены.

Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своём горе. Идёт мимо дэвица:

– О чём слёзы льёшь, добрый мо́лодец?

– Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!

– Какую ж обиду он тебе делает?

– Да вот послал на ярмонку, велел баранами торговать, да так, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены.

– Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а волну^[1] отнеси на ярмонку и продай, после возьми всех баранов выложи^[2] да яйца съешь; вот у тебя и деньги, и бараны в целости, и сам сыт будешь!

Парень так и сделал; продал волну, пригнал стадо домой и отдаёт дяде вырученные деньги.

– Хорошо, – говорит дядя племяннику, – только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?

Парень признался:

– Шла, – говорит, – мимо дэвица, она научила.

□Дядя тотчас приказал закладывать лошадь:

– Поедем, станем сватать ту дэвицу.

Вот и поехали. Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать?

– Привяжите до зимы аль до лета! – говорит им девица.

Дядя с племянником думали-думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета?

– Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге.

Привязали они лошадь, вошли в избу, помолились богу и сели на лавочку. Спрашивает её дядя:

– Ты с кем живёшь, девица?

– С батюшкой.

– Где ж твой отец?

– Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять.

– А когда назад воротится?

– Если кругом поедет – к вечеру будет, а если прямо поедет – и через три дня не бывать!

– Что ж это за диво такое? – спрашивает дядя. – Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?

– А то нет? Он поехал зайцев травить; зайца-то затравит – всего пятнадцать копеек заработает, а лошадь загонит – сто рублей потеряет.

– А что значит: ежели он прямо поедет – и в три дня не прибедет, а ежели кругом – к вечеру будет?

– А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!

Удивился дядя уму-разуму девицы и сосватал её за своего племянника.

---

[1] – Волна – шерсть.

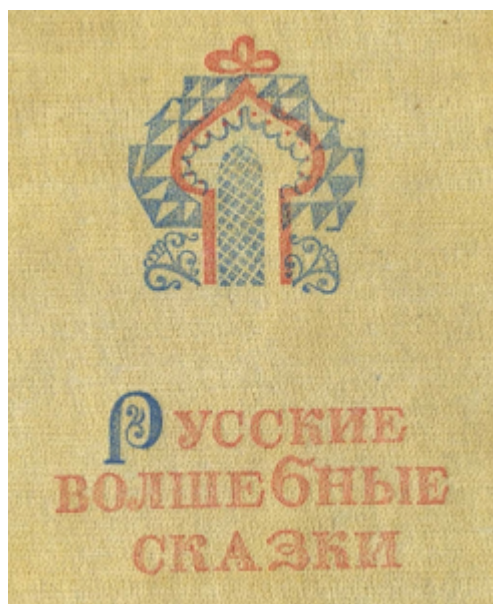
[2] – Охолости.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Мудрые ответы

Служил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришёл домой; стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, – говорят, – двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось; собрался и пошёл царя смотреть. Пришёл во дворец. Царь спрашивает:

– Зачем, солдат?

– Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришёл посмотреть!

– Ну, смотри.

Солдат три раза обошёл кругом царя, всё оглядывал. Царь спрашивает:

– Хорош ли я?

– Хорош, – отвечает солдат.

– Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?

– Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно.

– А широка ли земля?

– Вон там солнце всходит, а там заходит – столь широка!

– А глубока ли земля?

– Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!

Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему:

– Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умеи по перу выдернуть.

– Ладно!

□Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали-думали, не смогли ответу дать, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат:

– Купцы-молодцы, вас за что посадили?

– Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы – люди тёмные,

не смогли ответу дать.

– Дайте мне каждый по тысяче рублёв – я вам правду скажу.

– Изволь, брат; только научи.

Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они отгадали – отпустил их по своим местам.

– Ну, служба, сумел по перу сдёрнуть?

– Сумел, царь-государь, да ещё по золотому!

– А далеко ль тебе до дому?

– Отсюда не видно – далеко, стало быть!

– Вот тебе тысяча рублёв; ступай с богом!

Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Горшеня

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич.

– Мир по дороге!

Горшеня оглянулся.

– Благодарим, просим со смиреньем.

– Знать, вздремал?

– Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поёт, а бойся того, кто дремлет.

– Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

– Сызмолоду, да вот и середовой⁽¹⁾ стал.

– Кормишь детей?

– Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьёт.

– Хорошо, горшеня, но всё-таки на свете не без худа.

– Да, ваше царское величество. На свете есть три худа.

– А какие три худа, горшенюшка?

– Первое худо: худой шабёр^[2], а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум.

– А скажи мне, которое худо всех хуже?

– От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдёшь – всё с тобой.

– Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня – а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, пёрышки оциплешь, а по-правильному покинешь!

– Годится, так покину – как придёт, а то и наголо.

– Ну, горшеня, стой на час! Я погляжу твою посуду.

□ Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

– Ты наделаешь мне этаких?

– Сколько угодно вашему царскому величеству?

– Возов десяток надо.

– На много ли дашь время?

– Месяц.

– Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня.

– Спасибо, горшенюшка!

– А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?

– Буду в дому у купца в гостях.

Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях

не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

□Горшеня кончил заказ царский и привёз товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему:

– Бог за товаром, горшеня!

– Просим покорно.

– Продай мне весь товар.

– Нельзя, по заказу.

– А что тебе, ты бери деньги – не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмёшь?

– А вот что: каждую посудину насыпать полную денег.

– Полно, горшенюшка, много!

– Ну, хорошо, одну насыпать, а две отдать – хочешь?

И сладили.

– Ты для меня, а я для тебя.

Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару ещё много. Боярин, видя худо, съездил домой, привёз ещё денег. Опять сыплут да сыплут – товару всё много.

– Как быть, горшенюшка?

– Ну что, не жадал^[3]? Нечего делать, я тебя уважу – только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар и все деньги.

□Боярин мялся, мялся – жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего – сладили. Выпрягли лошадь – сел мужик, повёз боярин; в спорé дело. Горшеня запел песню, боярин везёт да везёт.

– До коих же мест везти тебя?

– Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поёт горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбег на крыльцо – признал горшеню.

– Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!

– Благодарю, ваше царское величество.

– Да на чём ты едешь?

– На худом-то разуме, государь.

– Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан, и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил – а ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?

– Прилетали.

– Перышки ощипал, а по-правильному покинул?

– Нет, наголо, великий государь, – всего ощипал.

---

[1] – Середовой человек – человек средних лет, между 30 и 50 годами.

[2] – Сосед.

[3] – Не ожидал.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Загадки

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по сёлам, по городам да торговали помаленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать.

– Милости просим, – отвечала старуха, – только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную.

– Хорошо, бабушка!

Вошёл в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку.

– погоди, бабушка; дай подумаю!

Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался, и вон из избушки. Старуха услышала шум, пробудилась – а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом.

– Выпей-ка, – говорит, – посошок на дорожку!

Купец не стал на дороге пить, вылил пойло в кувшин, и съехал со двора.

□Ехал-ехал, и застигла его в поле тёмная ночь; остановился ночевать где бог привёл – под открытым небом. Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плетью, а той плетью ударил коня; только ударил – коня вмиг разорвало! Поутру налетело на пададь тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и переколели все. Купец собирал мёртвых воронов и развесил по деревьям. В то самое время ехал мимо караван с товарами; увидели приказчики птиц на деревьях, взяли их – снимали, изжарили и съели: только съели – так мёртвые и попадали! Купец захватил караван и поехал домой.

□Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли – заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку.

– Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь – возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь – заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами.

Старуха согласилась.

– Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плётку, с плётки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев.

Старуха маялась-маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘ (Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

✘ Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Шемякин суд

ШЕМЯКИН СУД

В некоторых палестинах два брата живяше: один богатый, а другой – убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать дровни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил ворота, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его – будет по него посылка, а у голого давно смечено, что хоженного дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И придоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапно упал с полатей и задавил ребенка в люльке до

смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися^[1] им идти высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бить челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подня́ камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая – сто рублей дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

Потом прииде мужик, подаде челобитну в убийстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая – другое сто рублей дает от другого дела, приказал мужику отдать убогому жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в те поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая – сто рублей дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогому просать денег триста рублей. Убогий же показа камень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача́ креститься: «Слава богу, что я по нем судил!»

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади прошать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублей да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тех мест, пока ребенок родится. Мужик же нача с убогим миритися и даде убогому пятьдесят рублей, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что «по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача помышляти себе: «Как скочу^[2] с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача с убогим миритися, даде ему денег двести рублей, да лошадь, да пять четвертей хлеба – и помирися с ним вечно.

---

[1] – Случилось (Ред.).

[2] – Соскочу.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Сказание об

Александр Македонском

Жил на свете царь; имя его было Александр Македонский. Это было в старину, давно-давно, так что ни деда, ни прадеда, ни прапрадеда, ни пращуров наши не запомнят. Царь этот был из богатырей богатырь. Никакой силач в свете не мог победить его. Он любил воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдёт войною царь Александр Македонский – всё победит. И покорил он под свою власть все царства земные. И зашёл он на край света и нашёл такие народы, что сам, как ни был храбр, ужаснулся их: свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз – и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги.

Однако ж царь Александр Македонский от этих дивных народов не струсил; начал он с ними воевать. Долго ли, коротко ли он с ними вёл войну – это неведомо; только дивные народы струсили и пустились от него бежать. Он за ними, гнать-гнать, и загнал их в такие тущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там-то они и скрылись от царя Александра Македонского. Что же сделал с ними царь Александр? Он свёл над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и

ушёл назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подыметесь страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно ещё жив Александр Македонский!» Эти Гоги и Магоги до сих пор ещё живы и трепещут Александра, а выйдут оттуда перед самую кончиною света.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Про Мамаю безбожного

На Русе было на православной, княжил князь тут Дмитрий Иванович. Засылал он с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему. Пра́вится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пришел он к Мамаю безбожному, псу смердящему. «Давай-примай, – говорит, – дань от русского

князя Дмитрия Ивановича!» Отвечает Мамай безбожный: «Покуль не омоешь ног моих и не поцелуешь бахил^[1], не приму я дани князя Дмитрия Ивановича». Взадь^[2] отвечает русский посол Захарко Тютрин: «Чем бы с дороги молодца напоить-накормить, в бане выпарить, втэпор вестей попросить, а ты, Мамай безбожный, пес смердящий (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!), того-пёрво велишь мыть твои басурманские ноги и целовать бахилы; не след мыть ноги и целовать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганый татарин, Мамай безбожный, буде есть вера, целует ноги русского посла Захарья Тютрина!»

Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь – по застолью, княжеские бумаги придрал и писал свои ярлыки скорописчатые: «Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода, втэпор Мамай безбожный будет с святой Русью воевать: втэпор мне ни воды, ни хлеба не надо!» Набрал он из татар сильных, могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: «Пошли, – говорит, – слуги мои верные, попервее русского посла Захарья Тютрина; дорогой уходите его в темных лесах, в крутых угорах, а тело вздымите на лесину в откормку птицам».

Правится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пристигала его темна ночь на бору: не оснащается ночевать – одно идет вперед. Поутру, на восхожем на солнышке, видит русский посол Захарий Тютрин: выходят из лесу тридцать без одного сильных, могучих богатырей. Не уробил^[3] Захарий Тютрин поганых татаровей, захватил оберуч корзоватую уразину^[4] и ждет незваных гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ^[5] доброго молодца. Учал Захарко поворачиваться, учал он уразиной гостей чествовать: кого раз ударит – грязьей сделает. Невмоготу стало поганым татаровьям супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учили они конаться^[6] ему хорошими речьми: «Отпусти ты нас живьем, русский посол Захарий Тютрин, не посмеем больше перечить тебе!» Глядит

Захарко на сильных, могучих богатырей: из тридцати голов без одной остались живы только пять голов, да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалялся он над погаными нехристями, отпустил их к Мамаю безбожному. «Правьтесь, – говорит, – скажите, какво обидеть русского посла Захарья Тютрина».

Ударил он своего доброго коня по крутым бедрам: конь по первый ускок сделал сто сажений печатных, вторым усскоком версту промеж ногами проложил, третьего ускока на земле опятнать^[7] не могли. Смекнул дело путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин: наимал^[8] он двенадцать ясных соколов да тридцать белых кречетов; первее того испридрал^[9] ярлыки Мамая поганого и писал свои листы скорописчаты; написавши, привязал к птичьим хвостам и примолвил: «Ясные соколы и белые кречеты! Полетите вы ко князю ко Дмитрию Ивановичу в каменну Москву, накажите, чтоб Задонский князь Дмитрий Иванович собирал по городам и селам и по дальним деревням рать-силу несметную; оставлял бы по домам только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков – их печаловать. А я пойду, накажите, в свое место, стану собирать мохначей, бородачей – донских казаков».

Поутру было, на всхожем на солнышке, пошли морока^[10] по ясну небу, понесли с собой частый, мелкий дождь со буйным ветром со вихорем. Во шуму, во грому ничего не чуть^[11] стало, только чуть громкий зык от терема княжеского; Задонский князь Дмитрий Иванович наказал клич кликать по всей Москве белокаменной: «Собирайтесь все князья и бояра, и сильные, могучие богатыри, и все поленицы^[12] удалые ко князю во светлый терем на трапезу». Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу – послушать его разумных речей, а и того пуще – посмотреть его очи ясные. Как матерый дуб промеж тонкими кустами вересовыми^[13], что вершиною в небо взвивается, – значить великий князь промеж своими князьями и

боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонский князь Дмитрий Иванович стал речь держать: «Воины мои любимые! Не на попойку призывал я вас, не на радостный пир вы ко мне собирались; собирались вы ко мне за печальной весточкой: Мамай безбожный, пес смердящий, со всема своима ордами некрещеными, идет святую Русь воевать; будет нам от Мамаея-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, к океан-морю, изладим легкие струги, и побежим мы из океан-моря в море Хвалынское^[14] к соловецким чудотворцам: запремся там – и нечего с нас будет взять Мамаю безбожному, псу смердящему; в другую сторону^[15] он нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст».

Отвечают князи и бояре, буйны головы понутивши: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Одно солнышко катится по´небу – один князь княжит над Русью православною: не перечить мы пришли твоему слову крепкому; позволь нас заставить речь-ответ держать, как надоть ладить с Мамаем безбожным, псом смердящим. Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги, скалѣпки^[16] смечем в океан-море, сами соберем рать-силу великую и будем драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови – и будет на Мамаея безбожного победа!» – «Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» – говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика перехожая^[17] – сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала».

Задонский князь Дмитрий Иванович чинил крепкие наказы, чтоб собирали рать-силу несметную по городам с пригородками, по селам с приселками и по всем дальним печищам^[18], оставляли б дома только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков им в печальники. Собрали со всех концов Руси православною рать-силу

великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьям Белозерцам. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаячи. На поле на Куликове учили думу думать, как надо силу сметить? Русский посол Захарий Тютрин садился на своего доброго коня, объезжал округ силы три дня и три часа – не мог силы сметить: на сколько верст стоит?

Задонский князь Дмитрий Иванович проговорил таково слово: разойтись силе по чисту полю и взять силе по камушку, по злаченой пуговке, и приказал дубы заметывать^[19] теми камушками.

Заметала сила семь дубов: с комля^[20] и до вершины дубов не видно! Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович, другой – русский посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учили они кидать жеребьи: кому первому на татаровой поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами – донскими казаками; другой – Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьям Белозерцам, третий жеребий выпал Задонскому князю Дмитрию Ивановичу.

Втэпор слышал шведский король про великое побоище, набрал силы сорок тысяч: «Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаячи; станьте, мои воины, на бугры на высокие: станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамай безбожного – по Дмитрию Ивановичу пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича – по Мамаю пристаньте». Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король слышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово – сам наказывал: «Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте». Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое

побоище; перёд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками. Палась им встречу сила Мамаю безбожного: когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втёпор выскочил из земли Кроволин-татарин – вышина семь сажень; скричал татарин зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Давай мне-ка поединщика; буде не поставишь мне поединщика, я твою силу один побую-вырублю, грязьёй сделаю!»

Говорит Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться; самому пришло идти супротивником-поединщиком на Кроволина-татарина!» Оболокает он свои латы крепкие, застегает пуговицы воальянские; обседлали ему добра коня во седло черкасское, берет он с собой палицу боевую, поезжает к Кроволину-татарину. Пал ему встречу незнамый воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плеч басурманскую голову!» Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругима шелковыми не ради басы, ради крепости. «Оборону я тебя, Задонский князь Дмитрий Иванович, от первыя смерти! Буде я побую Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты с окаянным врагом, с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамаю безбожного победа!»

Задонский князь Дмитрий Иванович с незнамым воином обменялись конями, простились, и благословил его князь Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Палицами ударились – палицы по чивья поломались; копьями соткнулись – копья извернулись; саблями махнулись – сабли исщербились; скакали они со добрых коней, и бились они рукопашным боем, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: незнамый воин правую руку на тулово^[21] Кроволина-татарина накинул. Князь своего воина срядил, похоронил, над ним крест поставил и вызолотил.

У Мамаю безбожного, пса смердящего, выскочил из земли другой воин и зовил своим зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Подавай мне-ка супротивника; в другую сторону я твою силу побью, и тебе, князю, глаза выкопаю – свет отниму!» Понурил буйну голову Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина». Садился он на своего добра коня, поезжал на Кроволина-татарина. Пал ему вступу другой воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Избавлю я тебя от скорья смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамаю безбожного победа! А буде Квашнинок-богатырек побьет меня, садись на моего доброго коня: увезет он тебя от смерти от скорья».

Князь Дмитрий Иванович и незнамый воин обменялись конями, простились, и благословил его Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Впервые палицами они ударились – палицы по чивья поломались, копьями кололись – копья извернулись, острыми саблями рубились – сабли исцербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: у воина князева права пола на поганого татарина накинута. Князь своего воина честно срядил, похоронил и на могиле крест поставил и вызолотил.

Втепор русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками напушался на силу Мамаю безбожного. Светлый день идет ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась: когда кончилась драка, учили смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача – донского казака по две тысячи по двести татаровой выпало. Стал попушаться другой полк^[22], Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьев Белозерцев. Красное солнышко из-за леса

привздымається, бой-драка не умаляється; красное солнышко на́ покать пошло, нашу силу побивать стали.

Втѣпор стал попускаться Задонский князь Дмитрий Иванович. Живет он в силе Мамаю безбожного, как острая коса в сеностав^[23] в мягкой траве; куда проедет на коне – там улица, поворотится – переулочек, оборота на коне даст – площадью силу сделает. Невмогугу стало биться Задонскому князю Дмитрию Ивановичу: забрызгал он свои очи ясные поганую татарскую кровью, тут у него и свет выбрало – отемнел. Законался^[24] он своему коню доброму: «Увези ты меня, конь, от скорья смерти!» Бил он коня по крутым бедрам; подымался конь – только топ стоит! Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь тоѣ кудрявой березы на поле нет ни лесинки. Слезал он со добра коня: «Побегай, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю безбожному, псу смердящему».

Сел Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявую березу. Летит по небу через поле чистое стадо белых лебедей. Поглядел на стадо Дмитрий Иванович, сам проговорил: «За грехи мои окаянные попускает господь бог на землю русскую Мамаю безбожного; не по нас птицы летят: будет на Русь православную победа!» Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало^[25] – бежит по чисту полю стадо серых волков. «Господи, истинный Христе! Смилуйся над Русью православною, не отдай нас в лихо к некрещеному поганому татарину; не по нас звери бежат: пить нам от Мамаю безбожного, пса смердящего, горькая чаша!» Заспал Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявой березе.

Втѣпор сила Мамаю безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами – донскими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая господу богу возмоились: «Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-мать^[26] пресвятая богородица! Не попустите

некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго». Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамаю безбожного. Побежали поганые татары по чисту полю, прибегаи поганые татары в зыбку о́рду^[27], в этой о́рде поганые татары и живот скончали.

Спohватилась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев учили силу спрашивать: не пометил ли кто пути-дороги Задонского князя Дмитрия Ивановича? Молчит рать-сила могучая: ни от кого ответа нет. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев понурили свои буйны головы; положили они на скопе^[28]: погиб Задонский князь Дмитрий Иванович в бою-драке от поганых татаровей. Взадъ пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидел русский посол Захарий Тютрин в чистом поле кудрявую березу, а на той кудрявой березе черни́зину^[29]; походил Захарко на черни́зину, признавал он Задонского князя Дмитрия Ивановича. В ноги пал он князю Дмитрию Ивановичу: «Возрадуйся, Задонский князь Дмитрий Иванович! Постояли мы за матушку Русь православную, победили Мамаю безбожного, пса смердящего!» Соходит князь Дмитрий Иванович с кудрявой березы; на восток он три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили в том радость-веселие.

---

[1] – Обувь, сапоги.

[2] – Наоборот.

[3] – Испугался.

[4] – Двумя руками суковатую дубину (Ред.).

[5] – Поставить на округ – окружить, обстать кого-нибудь со всех сторон, лишить средств к побегу; так говорят: «мы двоима с собакой постановили медведя на округ», т. е. с одной стороны охотник, а с прочих собаки не позволили зверю выйти из известного круга.

- [6] – Просить, умолять.
- [7] – Опятнать – значит собственно найти сбежавшего коня по его следу на земле; в настоящем же случае опятнать – доправить, найти на земле след копыт.
- [8] – Наловил.
- [9] – Разодрал.
- [10] – Облака, тучи.
- [11] – Не слышно.
- [12] – Поленицы – богатырши (Ред.).
- [13] – Верес – можжевельник.
- [14] – Хвалынское море – Каспийское море (Ред.).
- [15] – Иначе, в противном случае.
- [16] – Отрубки, щепки.
- [17] – Нищий, калека, убогой.
- [18] – Крестьяне Шенкурского уезда, живущие по рекам Сюме и Нелинге, называют всякую деревню печищем: печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и пр. Не назывался ли первоначально этим словом каждый дом в деревне, так же как дым, труба заменяли прежде слово: изба?
- [19] – Заметывать – метить (Ред.).
- [20] – Комель – корень.
- [21] – Туловище.
- [22] – Отряд, полк.
- [23] – В сенокосную пору.
- [24] – Замолился.
- [25] – Мало – спустя несколько времени, через несколько минут.
- [26] – Дон-мать – Мать Дона, донская пресвятая богородица.
- [27] – Орда, у крестьян архангельской губернии – зыбкая тундра, болото, покрытое мохом.
- [28] – На общем собрании.
- [29] – Отдалённый предмет, чернеющий вдали.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...